

Инф.: Гривков Иван Никонорович, 1928 г.р., Казахстан.

В Крыму с 1937 года, 44-й участок Ак-Шейхского района района.

Интервью записано: АР Крым, ПГТ Раздольное, 7.08.2006

Соб.: А.Страхова, Т.Величко

Расш.: А.Страхова

(Нас интересует довоенное, военное особенно время и послевоенное).

Сосед. Ваня, ты извини меня, что я просто тебе...

И.Н. Здравствуйте. (Нет, спасибо большое!)

Сосед. Я ж... просто таки, они меня попросили, а ты можешь им рассказать, я же, видишь, как...

И.Н. Спасибо. (Спасибо, Дмитрий Георгиевич!)

Сосед. Ваня, здоровья тебе!

И.Н. Так что вы хотите? (Ну, мы хотим, нам сказали, что Вы родились где-то здесь рядом, да?) Родился я? (Да). ООо! Дорогая! Я родился не рядом! (А где?) Я сам с Казахстана. (А, с Казахстана, да?) Да. (А здесь с какого времени?) А здесь с 37го года. (А, с 37го года, именно в Раздольном?) Нет, в Раздольном я с 53го года, а то я жил в деревне. (А в какой?) Той деревни уже нет, ее снесли. (А как называлась она?) Они ж эти еврейские дома, они назывались под номерами, 44й участок... (Вы жили в еврейском колхозе?) А? (В еврейском колхозе жили?) Да. Слухай, они назывались под номерами.

1:00

44й, 45й. Вот 45й Дивное называлось, там поссовет был, и его тоже, деревни нету. Нашей деревни тоже нету. А здесь я живу с 53го года, в Раздольном. (Да, Иван Никонорович, а можно тогда так. Значит, а Вы помните, как немцы пришли? Как пришли немцы помните? Помните, как началась война?) А чего ж я не помню? Мне уже было 12 лет, когда немцы пришли. (Туда, да? И Вы с еврейскими ребятами дружили?) В нашей деревне, к Вашему сведению, все в 41м году, когда война началась, они все иквairовались. (Эвакуировались, да?) Ни одного еврея не осталось, а в

следующей деревне, вот она и сейчас живая, деревня Соколы называется. (Да). Здесь всех выстреляв немец. 90 с чем-то семей. А наши все выехали, где-то у нас была деревня дворов 50-55, небольшой поселок был.

2:00

Они все ивкуировались. Понятно? Так что, не одного не вбили. А вот в следующей деревне, Соколы, тех всех выстреляли. (А Вы это помните?) Ну, чего ж я? Я даже видел, когда стреляли. (Да?) Моя там тетка жила в этой деревне, и рядом два татарина жило. Она по соседству. Немцы приехали, этот же раньше назывался район Фрайдорф, сейчас Новоселовск. (Да-да). Новоселовск сейчас поселок. (Да-да-да, слышали). Приехали немцы, где-то четыре или пять легковых машин, вызвали старосту, полицейского. А татарин говоре этой моей тетке покойной, ее нет, тете Надя, ее фамилия была Ярина, дядька работал раньше здесь, Ак-Шеих назывался, а сейчас Раздольное, инспектором, госинспектором.

3:00

Его немцы расстреляли. Забрали и расстреляли, это ж вместе с евреями. Ну, его расстреляли в Новоселовске, а евреев-то... Съехались, это, машины в деревню, вызвали старосту, полицейского, татарин приходит, говорит: «Слышай, соседка, это немцы приехали, будут евреев стрелять». Она: «Та, брось ты ерунду пороть». – «Вот, - говорит, - Аллах меня накажет». Правда. Собрались, смотрим, человек шесть с автоматами, и в каждый дом заходят. До тетки пришли, тут татары, тот, кто, а русская, украинка. Следующие. Евреи – все. Маленьких детей на руки, и куда? Это Фрайдорф, будем цеплять. Раньше сразу они по города цепляли кресты на рукава, чтоб отличие было.

4:00

(Украинцам, русским кресты?) А? (Кому? Украинцам, русским?) На рукаве! (Кому кресты?) Евреям! (А!) Чтоб отличие было от русских, там, татар. Понятно? Отличие. По городам всем они вот это отличие, но никто ж не знал, что стрелять будут. (Ну да). А в эту деревню уже приехали и давай.

«Куда? – говорит, - у Фрайдорф, будем там отметку делать всем». А этот татарин говорит: «Я вчера был в Евпатория, говорят, что уже будут стрелять». Понятно? (Да). Ну, собрали их и погнали. Вот так деревня, конец, с правой стороны был колодец, здесь раньше воду качали барабанами лошади. Не то, что щас водопровод. (Ну да). Вот. Я вылез на сарай и смотрю. Это ж недалеко. Ну, как вот нефтебаза.

5:00

Видишь, нефтебаза? (Да-да, это нефтебаза?) Это нефтебаза, вот так колодец был. Край деревни, машины там уже стояли, машины, кроме этих машин. Смотрю, повылазило их там, черти уже не пересчитают. Далеко – не пересчитать. Немцев очень много. И сразу до колодезя. Тыр-тыр-тыр, тыр-тыр-тыр. Я выскакиваю из крыши, до тетки в хату: «Тетя Надя, я текаю домой. Видите, что делается? – говорю, - их уже стреляют». А татарин казав: «Я тебе говорил, Надька, это стрелять будут». И я текать домой. А тетка: «Вдруг они тебя, - говорит, - упоймают и как еврея застрелят». Ну, как-то обошлось благополучно. Прибежал я домой, деревня наша была километра два-полтора, может, было. Прибежал домой, матери и хлопцам говорю:

6:00

«Отак и так, евреев стреляют в Аманше». Она называлась 71й участок. Мама говорит: «А как ты убежал?» Я говорю: «Очень просто». И что ты думаешь? Хорошо тогда все обошлось. В тот же день это дело было вот так, вот в такое, может, время. К заходу солнца смотрю, машины две или три легковых у нас у деревню, а там стояла скирда, ну, сено, и туда два пацана, оттуда сбежали и заховалися. А там, рядом была татарская деревня, татары указали, что вот: «Оны побежал в той деревня, смотри там». Вот они машины окружили скирду, вылазят из машины немцы и на скирду полезли. А один пацан вскочив, тикать, застрелили, а одного там убили.

7:00

Так вот мені мать говоре: «Так бы и тебе було, ты так, обошлось». (Ну вот, видите, очень Вы нам много всего интересного рассказываете, скажите,

можем мы завтра к Вам прийти, сесть и записать?) Пожалуйста. (Подробный рассказ. Вы сейчас... дома будете завтра?) Та я все время дома. (Все время, да? А какой номер дома, чтобы мы могли найти?) А? (Номер дома, чтобы мы Вас нашли завтра? Гоголя 20?) Гоголя 20, вон же! (В какое время удобно будет завтра Вам?) Как хотите, когда вам свободно. (Ну, у Вас здесь тенек, не жарко, да, будет?) А? Вот сейчас не жарко. (Сейчас да. Сейчас уже просто поздно). Дерево закрывает, видишь? (Да). То ж сын мой, а то внук мой. (Давайте часов, может, на 11 можно будет утра?) Да. (В 11 утра можно?) Пожалуйста. (В 10-11, хорошо? Вы здесь будете?) Если вы так интересуетесь. (Очень нам надо знать. Мы хотим, чтобы Вы...)

8:00

В 37м году. (В 37м, да? Хорошо). Рассказов много. (Вот, отлично). И одна сестричка была, сестрички нет уже. Братья два еще есть, два уже нету. Мать... (Уже нету, да? Ну, там нам показали младший, да, живет?) А? (Младший где-то тут Ваш брат живет, да?) Да, есть. 35го года он. А сестричка у меня была 37го. (А брат 35го? Можно и у нему сходить? Может, и он потом ребятам нашим. Дело в том, что у нас еще есть студенты, может быть, им расскажет тоже? По какому он там адресу?) Ой, так вот это я в 37м году мы переехали. А рассказать – длинная история. Мы без отца приехали. Отец у меня был начальником георазведки. Так, а за что его арестовали.

9:00

Заклученные у него работали. И вот в одно прекрасное время он приходит, говорит: «Ты знаешь, Лена, я, наверное, буду рассчитываться и уедем в Крым». А здесь моей матери родители жили, а фактически все у Казахстане жили. А материны родители приехали в 30м году сюда, в Украину, а мы приехали в 37м. Она: «Что случилось, Никонорка?» Отца моего было звать Никонор Тихонович. Она... Він говорит: «Знаешь, что привезли заключенных на работу». - «Ну и что?» - «А я им сказал: что ж Вы заключенных? Мне надо таких, рабсила люди, а что Вы заключенных? Что я могу заключенного спросить?»

10:00

Георазведка, они строили сразу там по Казахстану железную дорогу, и воду искали, газ, все искали. И вот нашли воду, скважину пробрили, строить скважину, а заодно рабочие тянут железную дорогу. «Я, - говорит, - поскандалил с начальником. Наверное, - говорит, - уйдем». Ну, на другой день, а я прихвостнем был. Он идет, я говорю: «Пап, и я пойду с тобой, пробежуся». Что мне было? 6-7 лет. Пришли туда, в конторку его зашли, заходим, начальник. «А, Никонорка, ты прибыл?» – «Да». – «Что там у тебя случилось? Какие-то неприятности?» – «Та, - говорит, - потом поговорим». – «Вот, - говорит, - иди, примешь, рабочих привезли.

11:00

Ты же, это, от заключенных отказался, так привезли тебе рабочих. Иди на вокзал, смотри». А мороз на улице где-то 40-45 градусов. Понятно? Меньше у нас не бывало. 50. Пришли мы туда на вокзал, смотрим, палатки стоят, они их уже разгрузили, и в палатки. Ну, военные палаты, там по 20 человек чи по 10 человек у палате. Ну, отец приходе, дверку в палатку вот так открыв: «Э! Кто тут живой есть?» Молчать. Он вот так потрогал, а они мертвые. Он разворачивается и до этого начальника железной дороги.

12:00

Я ж не заходил туда, на улице или в коридоре был, уже не помню. Слышу, ругается отец: «Ах, вы такие, вашу мать, жидовские ваши морды!» А начальником был еврей. Ну, они большинство евреи, они грамотные люди были, наши бараны. Вот у меня пять теток, и все безграмотные. А два дядька, это уже при советской власти, один с 18го года, дядя Яша, их тоже уже нету, то окончил 5 или 6 классов, и дядька Лука 4 класса. А сестры все были безграмотные. Понятно? Это благодаря советской власти, что все... А то все были... На чем я остановился? А, вот! Отож, он зашел до начальника и начал ругаться: «Что ж вы, - говорит, - людей привезли, рабочих привезли, что ж вы сделали с ними?

13:00

А ну, - говорит, - идем со мной. А ну идем!» Взял за руку того начальника, открывает тот, говорит: «Смотри! Или вы их мерзлые с вагонов выгрузили, чтоб я принимал? – все, и развернулся. – Пошли, сынок домой! Я больше работать у тебя не буду!» И ушли мы домой. И шо він говорит. Она: «Что такое? – мать. - Что-то ты расстроенный?» Я говорю: «Мама, вот так и так, - говорю, - люди все, дядьки, мерзлые. Говорят, рабсилу привезли». Она: «Как мерзлые?» - «А вот так, - він говоре. – Они их, наверное, из вагонов повыгружали мерзлых». Это коровьяки называлися. Ну, вагоны обыкновенные, что скот возят. Не пассажирские ж вагоны, а такие. Говорит: «Я уходить буду, подам, - говорит, - заявление в росив, и буду уходить».

14:00

Дня через два или три, може, давай продавать. Продали дом, в нас свой был уже собственный на железной дороге, дед, батько построили. Корову продали, трах-бах, быстро это все. Багаж. Вот завтра, например, у 5 часов будем отправляться. Стук-стук-стук где-то часа в 4. Мать схвачується: «Никонорка, это за тобой!» Він: «Та ты шо, Лена!» - «За тобой!» «Открывай, хозяин, двери!» Мать открывает двери. У нас же света не было, а лампы были. Засветила лампу, они с фонариками. «Гривков здесь?» Мать говорит: «Здесь!» Заходят трое, это сейчас вот так помню, в шлемах, вооружені: «Вы Гривков Никонор Тихонович?» Он говорит: «Да». – «Начальник геолразведки?»

15:00

Он говорит: «Да». – «Вы арестованы!» Он говорит: «Как арестованы?» - «А вот так». Зашли в хату: «А это шо? Ты собрался тикать?» Ножами порезали, шо позашивали багаж. «Все», - говорят. Мать у плач: «Та шо? Там же одни тряпки и все! Ничего ж нету!» - «Это мы сами знаем». Поразрывали, по хате покидали, все, забрали его и ушли. Утром мы идем туда, мать собрала нас всех, Галину на руках и пошли. А Николай... Брат самый старший, он был 25го года, на руки взял Николая, ему годика полтора

было. И пошли туда. Не допустили. Нет, покуда никаких разговоров, вопросов нет, все. «Так что, мамаша, Вы можете отправляться домой».

16:00

Ну, на другой день, на третий день опять мы пошли. Пошли, пустили на разговор. Он говорит... мать говорит: «Шо такое, Никонор?» - «Не знаю, они мені шьють такое дело, вроде я преступник, вроде это я не приняв их и поморозил этих людей. Видишь, что делают?» Ну, и так мы неделю, и две, и месяц, ни суда нету, и нигде ничего. И так мы пробыли три месяца там. Ничего нету. Он говорит... тогда выпустили его, он говорит: «Ты знаешь шо, Елена, ездай до родителей своих, напиши письмо и ездай до родителей. Тут дело пахнет керосином. Они копаются, кто я, откуда я, какие мои родители».

17:00

Понятно? «И никакого, - говорит, - еще следствия нету. Вот, все. Ездай!» И что? Пришлось нам сообщать сюда. Ну, правда, там помогли с железной дорогой, помогли нам все собрать. Все, погрузили нас, билет, все бесплатно. А сюда приехали в Крым мы. Аж через год получаем известие, уже его мать, бабушка моя, пишет: «Никонорочка судили, дали ему высшую меру наказания расстрелом, но... я не могу... в связи, семья большая, и то-другое, дали 10 лет». А до войны взамен или расстрел или 10 лет.

18:00

И вот ему дали 10 лет. И он сидел. Мать ездила туда с братом старшим, бабушка приезжала. А потом объявление, когда война началась: «Хто желает из заключенных на фронт. Если оправдаешь себя, судимость снимается». И он пошел на фронт. После войны связались письмами все. Ну, шо ты думаешь? Освободили его, но выезда не разрешили. Вы освобожденный, но без выезда из Казахстана. Так он там и умер в Казахстане. Не, мои родители, все въехали, но я уже не въехав, я уже женился здесь, а родители мои все были, въехали. Николай, той брат меньший, тоже был.

19:00

И вот брат, что умер, тоже был. И он умер. Вот такая история моя. (Очень полезно, спасибо). Ой! (Ничего. Ну, мы можно завтра придем, да, в 11? Хорошо?) И ото така наша жизнь была. (Да. Так Вы нам еще потом подробней расскажите завтра, хорошо?) Нас пятеро, а мать одна. Так шо нам пришлось не особенно сладко. Мене после войны было 16 лет, я уже работал на комбайне. (После войны, да?) Комбайнером. Вот таки, дорогая, дела, дела. (Ну, Вы сейчас... это вот Ваш дом?) А? (Это Ваш дом сейчас?) Да. (Или Вы здесь, или у соседей просто были?) Не, это я у соседки ходил, света не стало, телефона у меня нету. А я пошел в ней спросить, и она говорит: «Уже 2 часа нету света».

20:00

(Все понятно теперь). И ото я и пошел. (То есть, мы завтра здесь найти Вас можем?) Пожалуйста. (Хорошо, спасибо Вам. Может, у Вас остались фотографии?) А вы сами откуда? (Из Симферополя) Из Симферополя. (А я из Харькова). Если б вы приехали весной, посмотрели, какая тут красота: тюльпаны, розы. (Это Вы их садите?) ООо! У меня покойная жена была любительница, и я тоже. (А розы это где? Там дальше, да? А, вот я вижу розы). Вот цветут розы, вот она, вот. Вот же! (Вижу, да). Они ж уже отцвели, по-новому начинают цвести. А тюльпаны! Тут все красное! (Вот это красивый куст, а что это за куст?) Тут вот цветет, и там. Тут весной все люди идут и радуются. (А сейчас жарко, да, наверное? А как тут с водой, плохо?) С водой? (Да). Та как? Вода как вода.

21:00

(Есть, да?) Другой раз есть, другой раз нет. (Понятно. А, может быть, Вы нам подскажите, вот мы к Вам завтра придем, а еще кто-то есть здесь из старых жителей, кто войну помнит?) Кто? Ну, я, представьте, который старый житель и есть здесь, то их уже нет на свете. Вот, по моей улице, вот уже я живу, нас осталось три или четыре человека. (О! Давайте! Кто?) Все. Один аж у том краю, и то он не здесь, не родимый, он где-то жил в совхозе Чернышевский. Понятно? А я сам из Казахстана. Из далеких краев. (Спасибо,

тогда мы придем завтра). От мы когда, бач, я не сказал. Мы когда приехали сюда, дядька нас покойный из Евпатории на лошадях, бричка, приехал, забрал.

22:00

И мы оттуда выехали, 25 градусов у нас мороз, а сюда приехали, здесь 25 градусов тепла. Сеють, пашут, вот так раздетые, а мы, говорит, смеются с нас: «Смотри, кацапня приехала». А мы ж у валенках, в полушубках, а та ж одежда у нас еще идет в багаже. Смеются с нас, да. Я пошел, дядька на тракторе работал, сеяли как раз: «О! Племянники мои приехали, откуда?» - «С Казахстана». Меня 30... Там 25 градусов мороза, а здесь 25 градусов тепла. Вот как! (Это что было за время года? Весна, осень, лето?) Ну, выехали в феврале. (Ага, понятно, пока доехали). А здесь приехали, а тут в феврале сеють, пашут. Вот так. Так что, прошло детство. (Хорошо. Ну, Вы точно будете завтра, да, дома?) Да. (Да? Точно будете завтра здесь? Можно мы Вас запишем на диктофон завтра? Можно? Вы не будете против?) Ладно-ладно хорошо.

23:00

(Нет, я имею ввиду, на диктофон можно будет записать Вас?) Запишете. (На магнитофончик, хорошо?) Да. (Мы придем с магнитофончиком, потому что все это хорошо, но чтоб мы не забыли, запишем). Ага, а потом скажите, а что это за преступник был! (Ну, о чем Вы говорите?) Отец у него был преступник, то, другое. (Знаете, у нас у всех есть такая страшная история 30х годов. У меня вон тоже деда... это прадеда! Какого деда? – Прадеда раскулачили. Вся семья работала, а всех раскулачили). Ну, вот видишь. (Кто хороший хозяин был, так...) Это ж в 30х годах, да. Я ж говорю, в 30х моего фактического... моей матери родители они сами с Тихого Дона. Понятно? (Казачи, да?) Да. Вот, когда начало революция, они взяли и завербовались все в Казахстан, а вот эти, это отцовы родители - в Казахстан.

24:00

А метерины родители – у Крым завербовалися, ихня фамилия Чумак. (И тоже оттуда были, да?) Тоже с Тихого Дона. Они сюда приехали в Крым, а батько, мои родители Гривковы завербовалися в Казахстан. Это в 10м году еще было дело. Понятно? (Да-да). А в 30м году уже родители в Крым переехали. Вот так. (Вот так, да, спасибо). И тут до 33го года, в Крыму, коллективизации еще не было. Вот дед мой покойный Чумак жил, а потом в 33м году объявили – коллективизация. Все. Ну, дед уже не сопротивлялся, у него было пара лошадей, там еще букр называли, плуг, что пахав. Потом, косилка была. Это он все взяв. «Сына, - говорит вот этому Федору, дяде Феде, - отвези в колхоз, общество щас будем делать.

25:00

Все уже, - говорит, - дальше кругом море, тикать некуда, - говорит, - все уже, кончилось». Понятно? И он не сопротивлялся, и его выслали уже с Крыму, нигде ничего. Он, что было хозяйство, вот так пришлы, проверяли: одна корова, все, а то лошадей в нього двое було, то все он сам сдался. Так что его уже и не выслали. А которые сопротивлялися, тех забирали и выслали. (Ну вот, да. Такие истории вот). Да, выслали. А моего отца родители в Казахстан уехали. Там жили вот это в Казахстане, и поумирали там. Вот так ото такая история, дорогая. Очень длинная моя жизнь.

26:00

(Ну, мы продолжим завтра, да?) И с детства ничего хорошего я не видел, покуда поднялся сам на ноги. (Ну да, конечно). Так, думаете, вот это вот строил дом, а днями... (Сами, да?) Не нанимал, а все я днем и ночью работал. Я вот работал в сельхозтехнике трактористом, комбайнером, днем кошу хлеб, а ночью пашу трактором, то, шо я скосил, ночью я вспахал. Вот так я работал. А потом... в каком году? А вже Хрущев заступил, эту технику передал колхозу, а я в колхоз не схотел, в колхоз не пошел. Пошел в РЭС – радиоэлектрических сетей, раньше оно було коммунальный отдел на электростанции. Это дело было где-то 58й год. Где-то вот так.

27:00

А потом организовался в 65м году Районная электрическая организация – РЭС. (РЭС?) И я там так и остался, и ушел на пенсию оттуда, потому что я 40 лет там проработал. (Да). Вот такие мои дела. (Хорошо, спасибо. Ну, мы продолжим обязательно. Вы завтра будете? Просто мы два дня...) А? (Мы только несколько дней, завтра еще здесь, а потом уедем).